

УДК 225

О.А. Мирошников, профессор, д-р филос. наук*РВУЗ «Крымский гуманитарный университет»**ул. Севастопольская, г. Ялта, Украина, 98635**E-mail: mir_olan@mail.ru***ЭЛЕМЕНТЫ ДИАЛЕКТИКИ В ИДЕЯХ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА***Рассматривается вопрос о диалектике в христианских идеях эпохи античности.***Ключевые слова:** *христианство, Римская империя, диалектика, античная цивилизация.*

Христианство явилось важным фактором, способствовавшим формированию цивилизаций как Запада, так и Востока. Если бы в свое время не возникло этого вероучения, то не только нынешние христианские страны, но, можно сказать, весь наш мир имел бы в значительной мере иной облик.

В то же время, по отношению к Римской империи, равно как и ко всей античной цивилизации, христианство принято рассматривать как одного из «могильщиков» (наряду с варварами). Подобная позиция способствует достаточно «жесткой» локализации преемственных связей христианства. Никто не оспаривает того очевидного факта, что весь христианский мир – преемник зародившегося в римскую эпоху христианства, но не всегда обращают внимание на то, что раннее христианство – это не только начало, но и своего рода итог. Итог идейного развития (не только религиозного), начало которого должно быть отнесено «вглубь» на 2 – 3 столетия.

Среди авторов, писавших об идейных предшественниках христианства, преобладают сторонники относительно простого объяснения. Для них христианство – это, прежде всего, преемник иудаизма. Как же можно говорить иначе, если Ветхий Завет – это священные книги иудеев, а все сюжетные линии Нового Завета опять-таки разворачиваются на территории Иудеи? Так или примерно так рассуждают Н.М. Никольский, И.Д. Амосин, И.М. Дьяконов, З. Косидовский, М. Бубер, И. Трунк. И все же находятся другие; их меньше, но среди них можно встретить наиболее известные имена. Представители данного подхода склонны определять христианство как прямого наследника именно античной культуры. Это С. Терриен, А. Робертсон, но прежде всего, конечно же, О. Шпенглер и А.Дж. Тойнби. Имеются также исследователи, занимающие промежуточную позицию, например Э. Шюрер.

Соглашаясь в целом с позицией представителей второго из названных направлений, нельзя в то же время не отметить еще один важный момент. Даже определение христианства как порождения античной цивилизации не снимает проблемы его происхождения. Сама античная цивилизация знает разные этапы своего развития. То обстоятельство, что христианство возникает при римском господстве, хотя и является неоспоримым историческим фактом, способствует отказу от поиска его более ранних истоков.

Целью нашей работы является не столько определение этих истоков, сколько уточнение самого направления поиска.

В работах английского историка Тойнби рассматриваются проблемы генезиса и гибели цивилизаций. Само существование цивилизаций для него есть «проявление Жизни как элемента бытия универсума» [1, с. 8].

Наиболее значительный предшественник Тойнби, также отвергавший непрерывность истории, Шпенглер, отрицал не только единство мировой истории. Вслед за этим немецкий мыслитель – и вполне логично – отрицал и прогресс [2, с. 72]. Идея цикличности истории была взята Шпенглером непосредственно у Ницше. Шпенглер, однако, в отличие от антихристианина Ницше, немаловажную роль отводит религии, в частности, душе, которая у него специфична для каждого типа культуры. Смерть этой души означает переход культуры в цивилизацию, отношение к которой у Шпенглера резко негативное. «Сущность всякой культуры – это религия; следовательно, сущностью всякой цивилизации является безрелигиозность» [2, с. 416]. В то же время, в отличие от «живой крови» европейских варваров, христианство, согласно Шпенглеру, несло «мертвящее дыхание» цивилизации, идущей к гибели.

Согласно Тойнби, цивилизация в своем развитии проходит стадии возникновения, роста, надлома и разложения. Причина ее разложения – в том, что правящее меньшинство утрачивает творческие силы и энергию, а с ними и способность отвечать на новый вызов истории. Однако оно не желает оставлять поле битвы и всячески пресекает попытки кого бы то ни было разделить с ним ответственность. Ввиду этого попытки ответить на вызов оказываются связанными с довольно большой и неоднородной группой, которую английский историк обозначает термином «внутренний пролетариат». В античную эпоху римляне обозначали термином «пролетариат» беднейшую часть населения. Английский историк, однако, использует этот термин в гораздо более широком смысле. Прежде всего, для него пролетариат – это естественный враг той цивилизации, которая его породила. И если пролетариат существует в границах данной цивилизации, то он является ее продуктом, продуктом тех изменений, которые происходят в социальной жизни данной цивилизации.

Не следует забывать также о «внешнем пролетариате» (еще один термин, введенный в научный оборот благодаря Тойнби). Этим термином английский историк обозначает варваров, живущих на границах цивилизации и являющихся ее естественными врагами. Как минимум, два обстоятельства определяют их заведомо враждебное отношение к цивилизации. Во-первых, цивилизация стремится поработить их. Во-вторых, сами они желают пожить за счет цивилизации. Варвары уже вышли из стадии дикости, поэтому они социально не однородны.

Однако вернемся к внутреннему пролетариату, который социально также не является однородным. Как полагает Тойнби «признаком пролетария является не бедность и не низкое происхождение, а постоянное чувство неудовлетворенности» [1, с. 346]. Это чувство неудовлетворенности способно объединить в рядах пролетариата не просто разные, но, по ряду иных характеристик, противоположные элементы: свободных и рабов, бедняков и зажиточных, интеллектуалов и «простецов». Тойнби заявляет: хотя мера страдания их различна, однако «общим, несомненно, являлось то, что все они были ограблены, лишены своего законного наследства, своих корней и превращены в нещадно эксплуатируемых изгоев» [1, с. 347]. Ограблению и эксплуатации, как справедливо отмечает английский историк, подвергались не только рабы, бедняки, трудящиеся, но, по сути дела, все не-римляне или, точнее, все не-граждане. Наличие в рядах внутреннего пролетариата значительной прослойки образованных, культурных людей обеспечила преемственность христианских идей с идеями некоторых своих, достаточно отдаленных, предшественников. Ведь, по сути дела, все слои эллинистического общества (а оно предшествовало римскому) охватываются этим понятием Тойнби.

Начало существования внутреннего пролетариата английский историк связывал со стадией надлома. Именно в это время к власти приходит правящее меньшинство, которое пытается узурпировать наследство, ему не принадлежащее. Не только власть имеется в виду под этим наследством. Идейное наследие, которое правящее меньшинство оказывается не в состоянии осмыслить, точно так же узурпируется им.

Применительно к античной цивилизации это, прежде всего, греческое и эллинистическое идейное наследие. Правящее меньшинство, сформировавшееся из среды римских завоевателей, было не в состоянии в полной мере воспринять его, не говоря уже о том, чтобы развить это наследие. В античной цивилизации, как и в любой другой, влияние правящего меньшинства определяется не доверием общества по отношению к нему, а силой, применяемой этим меньшинством по отношению к обществу.

Применительно к античной цивилизации можно также сказать, что стадия надлома по-разному сказалась на Западе и Востоке Средиземноморья. Иберийская, кельтская и прочая знать могла полагать себя в какой-то мере «осчастливленной» римским завоеванием: она приобщилась к античной образованности, перед ней были открыты двери римского сената. В общем и целом дистанция между прежней племенной знатью и основной массой ее соплеменников значительно увеличилась в результате римского завоевания.

Иным было положение на Востоке. Здесь, напротив, богатые и культурные слои завоеванных государств имели более чем достаточно оснований для недовольства. Их власть была существенно ограничена, их имуществам был нанесен невосполнимый ущерб. Будучи ранее, в результате существовавшего неравенства, отделены от основной массы своего народа, они самим римским гнетом были приближены к нему. Здесь, как нигде, максимально широкое употребление термина «пролетариат» уместно и справедливо.

Но христиане не были первыми в истории уравнилителями. Уже Александр Македонский был увлечен идеей единения греков и завоеванных ими народов, а это предполагало также и определенное равенство между завоевателями и завоеванными. Объединять, а не покорять – такова была его цель. Но идея, которой одержим один человек, при отсутствии того социального слоя, на который можно опереться для ее претворения в жизнь, непременно обращается в утопию. Казалось бы, Александр мог располагать человеческими и материальными ресурсами покоренной им империи, но для реализации его замыслов этого оказалось недостаточно: великого македонянина не могли понять даже ближайшие его соратники. Нищим христианским проповедникам в этом отношении более повезло: они располагали сторонниками, которые верили им и верили в них. Однако именно Александр положил начало уравнительному процессу: он повелел разным народам созданной им империи быть братьями задолго до того, как их призвали к этому христиане. Хотя фактически никто не понял этого повеления македонского завоевателя, его скрепя сердце стали выполнять – Восток есть Восток. А поскольку начался сам процесс, должно было начаться и его осмысление. Аристотель, хотя он и должен был влиять на своего ученика, был забыт – восходящая к Гераклиту, Сократу и Платону диалектика оказалась более уместной для осмысления этого процесса. Но диалектика, как оказалось, может быть использована для объяснения уравнительных процессов не только в межэтнических, но и в социальных отношениях.

Так уж случилось, что новый этап развития общества – римская эпоха – совпал с новым витком диалектики, выходящим на идеи социального равенства.

К этому следует добавить, что застрельщиком протеста, будь это открытый, насильственный (или с элементами насилия) протест, или будь это протест относительно мирный, сплошь и рядом выступает не наиболее угнетенная и страдающая часть населения, но те слои, которых даже самый сильный гнет не лишил возможности систематизировать свое недовольство и свои требования. Так, буддизм в Индии явился своего рода восстанием против господства брахманов, восстанием, облеченным в религиозную форму. Но восстание это было проведено кшатриями, т.е. кастой привилегированной, а не задавленным угнетением вайшьями и уж, тем более, не совершенно лишенными всяких прав шудрами. Народные массы, как показывает исторический опыт, чрезвычайно восприимчивы к протестным требованиям именно тех своих товарищей по несчастью, кто оказался способен выразить этот протест в выразительной и доступной форме.

Что касается Восточного Средиземноморья, то здесь протест исходил, прежде всего, со стороны той части внутреннего пролетариата, которая еще относительно недавно в пролетариях не числилась. Среди представителей иудейской диаспоры именно эта группа была связана с разработкой имеющих хождение в иудейской религиозной традиции идей.

Несмотря на попытки, предпринятые в прошлом Августином и другими христианскими мыслителями (до Аквината), представить Ветхий Завет как диалектическое учение, в основе своей он отнюдь не диалектичен. Лишь Книга Иова, созданная под сильным влиянием эллинистической культуры, содержит элементы диалектики. Можно поэтому с достаточной степенью уверенности предположить: если анализ текстов Нового Завета покажет наличие в них значительного пласта диалектики, это будет также свидетельствовать об их связи с идеями именно эллинистического этапа античной цивилизации. Ведь для своего времени (1 в. н.э.) христиане оказались бы в таком случае единственными диалектиками. Не случайно Шпенглер говорит об этом времени, что философия, равно как и искусство, не принадлежат ему: «они исчерпаны, потреблены, излишни» [2, с. 68]. Это касается всего Средиземноморья и, может быть, в наибольшей степени именно восточной его части.

Момент отрицания, бросающийся в глаза при анализе новозаветных текстов, имеет четко выраженную направленность, прежде всего, против существующих социальных отношений. Отрицание, как известно, далеко не всегда носит диалектический характер. Философа-диалектика можно уподобить идущему «по мосту, тонкому, как конский волос и острому, как лезвие меча»: оступись он в ту или другую сторону, и от собственно философской диалектики ничего не останется. Сколько учений, зарождаясь как философские, «на выходе» становились либо еще одним литературным шедевром, либо еще одной религией! Однако не состояться как философия – еще не значит, не состояться как отрицание.

В связи с этим хотелось бы провести определенную параллель со сходным, как представляется, явлением в культуре географически и исторически столь отдаленной от Средиземноморья рубежа нашей эры, что о каком-либо влиянии не может быть и речи. Здесь можно говорить лишь о сходных обстоятельствах. И в самом деле, в средневековом Китае количество подготовленных по конфуцианским канонам управленцев намного превосходило реальные потребности и возможности государственного аппарата. Количество «шэньши» (так называли сдавших экзамен на должность), не попавших во власть, было весьма велико. Результатом деятельности этих последних стало немалое литературное наследие, среди которых были и произведения, вошедшие в золотой фонд мирового литературного наследия (например, роман «Троецарствие» с его исполненной гнева характеристикой философов-конфуцианцев – почти как критика книжников и фарисеев на страницах евангелий). Однако в Китае конфуцианцы, не попавшие во власть, несмотря на злую и остроумную критику своих, находящихся у власти, единоверцев, так и не стали ни философской, ни религиозной оппозицией.

Так, обличая господство коррупции в управлении империей, конфуцианский автор пишет: кто больше платил, тот сразу же становился инспектором и даже получал должность начальника ведомства. Но если кто-либо был беден или не имел сильных покровителей, тот обречен был до самой старости прозябать в «обидном забвении», несмотря на свои обширные знания и опыт.

Объясняя особенности той позиции, которую занимали представители конфуцианской идеи, один из современных исследователей замечает, что конфуцианец, если он занимает пост, дающий ему доход и обеспечивающий авторитет среди окружающих, склонен полагать, что государственная деятельность несет благополучие народу и одобряет ее. Если же конфуцианцу в силу тех или иных обстоятельств не удастся занять поста, он обращается к обличению существующих порядков и своих более удачливых собратьев, используя при этом хорошо ему знакомые «конфуцианские мотивы» [3, с. 9].

Однако следует сказать, что обличение пороков власть имущих и, тем более, пороков общества не принадлежит к конфуцианским мотивам. Как отмечают многие авторы, конфуцианский «шэньши», даже если ему и не удалось получить пост, пользовался немалым престижем. И все же вождями или идеологами протеста подобные люди становились достаточно редко. Как представляется, причину здесь можно усмотреть в том, что их недовольство своим положением выражалось в таких формах, которые не могли найти отклик в широких слоях народа. Их гневные филиппики по адресу власть имущих воспринимались народом как проявление внутренних противоречий в среде «книжников и фарисеев».

Напротив, к гневным тирадам древнееврейских пророков народ всегда был достаточно чутким. Живя зачастую среди таких же лишений, что и основная масса простонародья, эти обличители пороков своего общества воспринимались в низах общества как свои.

Отрицание, присущее зарождающемуся христианству, носит несколько иной, чем у конфуцианцев, характер. С одной стороны, авторы христианских книг смогли поднять обличение на значительную высоту, недоступную даже большинству библейских пророков; это – интеллектуальная высота, обусловленная во многом диалектическим подходом. С другой же стороны, это обличение они выражали от имени «труждающихся и обремененных» (недовольные конфуцианцы избегали выступать от имени последних, ограничиваясь критикой от собственного лица). Так что зачисление богатых и образованных представителей эллинистического общества (оказавшихся в результате римского завоевания в положении маргиналов) в ряды пролетариата имело под собой объективное основание. Об их присутствии в рядах пролетариата свидетельствуют, в частности, носящие диалектический характер высказывания, вложенные авторами Евангелий в уста Христа.

Так, в Евангелии от Марка содержится сравнение, диалектический характер которого обычно совершенно игнорируются. «И сказал: чему уподобим Царствие Божие? Или какою притчею изобразим его? Оно – как зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков, и пускает большие ветви. Так что под тенью его могут укрываться птицы небесные» [Мар. 4, 30 – 32]. Образ Царства Небесного здесь изображен как образ Дао у китайского диалектика Лаоцзы. Аналогия с горчичным зерном представляет собой диалектическую характеристику Царства Небесного.

Подобно тому, как сама желанная цель – Царство Божие – в результате диалектического изменения, приобретает вселенский характер, средства ее достижения («обретения», «спасения») ведут к цели диалектически. Образно говоря, это – диалектика шахматной игры, когда приходится жертвовать фигурой для выигрыша партии; тот же, кто не согласен жертвовать, проигрывает. В ряде мест об этом говорится во всех Евангелиях: «Ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее...» [Мар., 8, 35]. «А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два... А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих и гонящих вас...» [Мф. 5, 39 – 41, 44]. «И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься» [Лк. 10, 15]. «Ибо всякий возвышающий себя сам унижен будет, а унижающий себя возвысится» [Лк. 14, 11]. «Кто умалится как дитя, тот и больше в Царстве Небесном» [Мф. 18, 4]. Упомянутая аналогия с горчичным зерном, действительно, объясняет многое: именно малое оказывается способным к росту, большое не растет, оно потому и большое, что уже выросло, завершило свой рост. Выход: умалиться, чтобы расти вместе с малым.

На пути к спасению авторы Евангелий усматривают разные препятствия. Диалектический парадокс – в том, что самые опасные препоны внешне выглядят совершенно безобидно и даже привлекательно: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные...» [Мф. 7, 15]. «И враги человеку – домашние его» [Мф. 10, 36]. Невинный облик, который способно принимать зло, не должны вводить в заблуждение: уже в этот, ранний период своего существования христианство не просто видит за внешней красотой внутреннее уродство, но полагает, что эти два качества взаимообусловлены.

Если внешние противоречия выступают как препятствие на пути к спасению, то внутренние выступают в качестве движущей силы: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» [Мф. 10, 16] – призывает Иисус апостолов. Борьба противоположных побуждений в душе человека не всегда, однако, приводит к победе положительного: «У одного человека было два сына; и он, подошед к первому, сказал: сын! Пойди сегодня работай в винограднике моем. Но он сказал в ответ: «не хочу»; а после, раскаявшись, пошел. И подошед к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: «иду, государь»; и не пошел. Который из двух исполнил волю отца? Говорят Ему: первый» [Мф. 21, 28 – 30]. Эти внутренние противоречия помогают спасению человека: наличие в человеке одновременно и доброго, и злого начал открывает для него одновременно путь к спасению и путь к гибели. Но путь этот из внешнего мира перенесен вовнутрь: стать Божьим, сделать что-либо доброе для Бога.

Сам человек не может определить, много или мало он сделал для Бога. Воздаяние нередко бывает противоположно ожиданиям человека: «...Кто имеет, тому дано будет; а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь» [Лк. 8, 180]. И все же Бог милостив к тем именно, кто отдает ему все; как бы ни было мало это все в сравнении с пожертвованиями других: «Взглянув же, Он увидел богатых, клавших дары свои в сокровищницу; Увидел также и бедную вдову, положившую туда две лепты. И сказал: истину говорю вам, что эта бедная вдова больше всех положила; Ибо все те от избытка своего положили в дар Богу, а она от скудости своей положила все пропитание свое, какое имела» [Лк. 21, 1 –

4]. Бог видит все, в том числе и то, что скрыто от человека. И потому лишь самому Богу дано судить о том, много или мало для него сделано.

Целый ряд высказываний в Евангелиях могут быть истолкованы как указание на диалектическое противоречие в тогдашней иудейской религии, отражающее отнюдь не мирное сосуществование людей Ветхого и Нового Заветов: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» [Ин. 1, 5]. «Ему должно расти, а мне умяться» [Ин. 3, 30]. «Если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас» [Ин. 9, 41]. «Эта болезнь не к смерти, но к славе Божией...» [Ин. 11, 4]. Подобно тому, как свет противостоит тьме, христианство противостоит другим религиям; оно растет, в то время, как противостоящее ему умяется. Наконец, умирающее со старой верой, вновь оживает с христианством.

Обращенная же к апостолам прощальная фраза Иисуса: «Иду от вас и приду к вам» [Ин. 14, 28] бесспорно имеет диалектический характер. Эта фраза не осталась незамеченной: Тойнби наверняка именно от этого словосочетания образовал одно из главных понятий своей концепции – «Уход-и-Возврат» – по сути дела диалектически связывая гибель старой цивилизации и генезис новой.

Анализ текстов Нового Завета с этой стороны позволяет несколько по-иному взглянуть на его авторов. Присущий им диалектический стиль мышления не только с достаточной убедительностью свидетельствует о влиянии на формирующуюся новую религию именно данного, эллинистического этапа развития античной цивилизации. Этот стиль отразил диалектику эллинистической культуры, потенциально устремленной к такому состоянию, когда «нет ни эллина, ни иудея». Однако подобное состояние если и могло быть достигнуто, то уже в иной, не античной, цивилизации. Тем не менее, в этих текстах уже поставлены вопросы, на которые будут отвечать, сформулированы проблемы, которые будут развивать христианские философы и богословы на протяжении почти двух тысячелетий.

В то же время, враждебность к богатым и образованным и, напротив, сочувствие к беднякам и «простоцам», весьма явственно проявляется во всех четырех Евангелиях. Объяснение здесь может быть лишь одно: далеко не все представители образованной части древнееврейского общества (в особенности из диаспоры) могли пробиться в ряды официальной элиты и потому потенциально являлись оппозиционерами. Нечто подобное, как уже отмечалось, было и в средневековом Китае. Но в отличие от последнего, оппозиция потенциальная в Иудее смогла стать оппозицией реальной.

Оппозиция, которую представляло христианство, носила и религиозный, и социальный характер. Поскольку она носила религиозный характер, она, отделившись от иудаизма, стала самостоятельной религией – христианством. Поскольку она носила социальный характер, она имела возможность не только выступать против «книжников и фарисеев», но и от имени «труждающихся и обремененных».

Сам стиль Евангелий, язык, на котором они написаны – это язык и стиль образованных людей того времени. Приводимые в текстах Нового завета факты известны далеко не каждому верующему. Ссылки в Евангелиях на тексты Ветхого Завета свидетельствуют об очень глубоком знании авторами иудейских священных книг. Аргументы и контраргументы, которыми оперирует Иисус в полемике с фарисеями, говорят о высоком интеллекте не только главного персонажа, но и авторов Евангелий.

Все это доказывает не просто присутствие образованных людей в христианской среде при самом возникновении христианства. Это свидетельствует о большем: о медленно, но неуклонно развивающемся в Восточном Средиземноморье в эпоху эллинизма и в римскую эпоху процессе идейного сближения верхов и низов общества, оформления этой идейной близости в единой, уравнительной как в этническом, так и в социальном плане религии. Социальную уравнительность принято связывать с именем Христа, этническую – с именем апостола Павла. Но непредвзятый взгляд позволяет заметить, что последовательность здесь иная, более сложная. Именно этническая уравнительность, представляющая собой весьма важный момент христианской религиозной идеологии («Все люди – братья» – это ведь о братстве народов, а не о братстве разных социальных слоев) предшествовала уравнительности социальной, и именно эта, этническая уравнительность, была привнесена в христианство извне, наряду с элементами античной диалектики, и имеет происхождение из того же самого источника, что и эта диалектика.

Эти идеи позволили христианству, в период распада и гибели античной цивилизации стать ее духовным лидером. Но если в растущей цивилизации духовный лидер возглавляет ее и всегда готов к победоносному ответу, то в распадающейся цивилизации этот духовный лидер лишен формальной власти. Однако он играет роль спасителя, помогая обществу ответить на вызов, с которым неспособно справиться правящее меньшинство, утратившее свой духовный приоритет.

События начала нашей эры – лишь верхушка айсберга. Если возникновение христианства рассматривать в свете истории идей, то оно явилось результатом распространения эллинистических идей в иудейской среде. Пролетариат же, как его определяет Тойнби, применительно к ареалу Восточного Средиземноморья, это – все слои населения эллинистических монархий: бедные и богатые, свободные и рабы, образованные и совершенно неграмотные. Верхи эллинистического общества (т.е. не только властвующая и имущественная, но и образованная элита его) оказались оттесненными на второй план

римским завоеванием и, тем самым, стали частью пролетариата (пролетариата в том смысле, который придавал этому понятию Тойнби. Важно при этом отметить объективный характер этого словоупотребления: если верхи и низы не могли найти общего языка, пока представляли противоположные полюса эллинистического общества, то в новых условиях, они оказались как бы на одном и том же полюсе и процесс единения пошел интенсивнее). Отмеченная особенность дает основание рассматривать христианство не в качестве исключительно иудейской, равно как и не в качестве исходящей исключительно от бедноты или от малообразованных слоев религиозной идеологии. В какой-то степени можно утверждать, что в христианстве нашла отражение вся идеология внутреннего пролетариата или, что по сути одно и то же, всего эллинистического общества в его противостоянии обществу римскому.

По-видимому, иного и не могло быть. Вся история, если ее рассматривать сквозь призму цивилизационного подхода, дает множество примеров подобного рода. Государство Ахеменидов, а затем Парфянское царство на территории современного Ирана, эфемерная держава Махмуда Газнийского, Делийский султанат и, наконец, империя Великих Моголов на территории современных Пакистана и Индии, множество основанных варварами-кочевниками государств, вплоть до Маньчжурской империи, на территории нынешнего Китая – все они могут служить примерами того, как обладающие относительно низкой культурой завоеватели восприняли и государственность, и культуру, и, в ряде случаев, религию завоеванных народов. Уникальность феномена возникновения христианства в том, что римляне восприняли не иудейскую религию, а христианство (возникшее первоначально как секта в иудаизме), а также в том, что воспринята была данная религия не только завоевателями, но и завоеванными народами империи.

Полученные результаты позволяют несколько уточнить направление дальнейших исследований идейных истоков христианства. Представители христианской апологетики не случайно указывали на черты сходства между положениями христианства, с одной стороны, и идеями греческой философии (именно греческой, не римской) – с другой. Сознательно или интуитивно, но они указали на весьма важный момент в предыстории христианства. Это позволяет связывать поиски идейных предшественников христианства с более ранним – эллинистическим – этапом античной цивилизации.

Библиографический список использованной литературы

1. Тойнби А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби. — М.: Прогресс, 1991. — 736 с.
2. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. — М.: Айрис-пресс, 2004. — Т. 1. — 523 с.
3. Ло Гуаньчжун. Троецарствие: роман. В 2-х т. Т.1. / Пер. с китайск. В. Панасюка. — М.: Художественная литература, 1984. — 790 с.

Поступила в редакцию 13.12.2011 г.

Мирошников О.О. Елементи діалектики в ідеях раннього християнства

Розглядається питання про діалектику у християнських ідеях епохи античності.

Ключові слова: християнство, Римська імперія, діалектика, антична цивілізація.

Miroshnicov O.A. The elements of dialectics in ideas of early Christianity

The article considers the issue of dialectics in the Christian ideas in the antic epoch.

Keywords: Christianity, Roman Empire, dialectics, ancient civilization.